

Оксана Кириллова

Делия

Она вошла в мою жизнь в седьмом классе.
В сам этот класс она вошла парой дней раньше —
мудая, высокая для своего возраста и смитанная, —
что и, как мне запомнилось в первую очередь. Делителю
«брате» родственно, или нет, черт знает, делителю же явде
лицо... «Да она же вся немыслима!» — ажурна и от
делителю оскаретая.
Меняло, ситая, была неа студия, и в думе не думала
тес чума и не кепель вторая и востане она
и как вурасел женщины, но
она ситая и
востане

Оксана Кириллова

Делия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36625400

SelfPub; 2023

Аннотация

Что может быть важнее дружбы для девочки-подростка? Лучшая подруга – единственная, кого хочется видеть каждый день, кому можно доверить любой секрет, кто никогда не подведет... К сожалению, идеалы Оли рушатся: самый близкий человек предает ее. Но она уверена: следующая подруга точно будет идеальной. А еще Оля обязательно встретит прекрасного парня, совсем не похожего на двоечника Колю, от взгляда на которого не первый год ёкает сердце. Но так ли нужно стремиться к совершенству?..

Оксана Кириллова

Делия

«Дружба – это любовь без крыльев»

(Дж. Гордон Байрон)

Часть 1

«Самое подлое преступление –
злоупотребление доверием друга».

(Г. Ибсен)

Она вошла в мою жизнь в седьмом классе. В сам этот класс она вошла парой дней раньше – худая, высокая для своего возраста и слишком яркая, что ли, как мне подумалось в первую секунду. Длинные черные ресницы, алые губы, чересчур загорелое для января лицо... «Да она же вся накрашенная!» – ахнула я от запоздалого осознания.

Может, сейчас, десять лет спустя, я бы уже и не удивилась – сейчас чуть ли не каждая вторая девчонка старается выглядеть как взрослая женщина, – но для двенадцатилетней меня так сильно накрашенная не на праздник и не на карнавал ро-весница была... ну, все равно что шестнадцатилетняя мать – случается, конечно, но дикость какая-то. Еще, наверное, дело было в особенностях нашей интеллигентной школы – в

моем классе еще не красился никто, даже Ирка, у которой уже – обалдеть! – был парень.

– Знакомьтесь, это Анфиса, – произнесла наша классная руководительница. – Теперь она будет учиться с нами.

Анфиса?! Я в жизни не знала ни одной Анфисы. Разве что обезьянку из детской книжки.

Эта девица на обезьянку была не похожа. Пожалуй, ее можно было назвать красивой, и, судя по надменной улыбке, она это прекрасно знала. Оглядевшись, я с неудовольствием заметила, что Коля Гусев, по которому я тайком вздыхала уже год, уставился на новенькую не мигая, даже рот забыл закрыть.

– Садись, Анфиса, – проговорила наша классная, и девочка уверенным шагом направилась к свободному стулу за партой Коли.

И это при том, что после зимних каникул еще не все вернулись с отдыха, а несколько человек умудрились простудиться, так что пустых мест в классе было предостаточно – одно из них, кстати, было рядом со мной.

– Привет. – Она очаровательно улыбнулась, присаживаясь возле Коли.

– Угу, – выдавил он из себя, все еще не отрывая от нее взгляда.

Следующие два дня Анфиса сидела за его партой, а я старалась не смотреть в ее (в их) сторону. А потом она взяла и пересела ко мне – просто подошла перед уроком биологии,

поставила сумку на мой стол и скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла:

– Я с тобой, хорошо?

«А если я отвечу «нет»?» – коварно метнулось у меня в голове, и я мысленно ухмыльнулась, представив, как сотру с ее лица эту самодовольную улыбочку. Но бунтарем я бывала только внутренне – реально же отказать кому-то было для меня тяжелейшим испытанием.

– Конечно, – отозвалась я.

Небрежный тон – все, на что я оказалась способна.

– Да ладно, не дуйся. – Анфиса внезапно приобняла меня за плечи, как старинную подругу, и я, не удержавшись, слегка поморщилась.

В то время я еще терпеть не могла тактильные контакты, особенно со случайными людьми – это потом, уже через несколько лет, я – думаю, в силу психологических причин – вдруг стала яростно обожать их, и по телу пробегали приятные мурашки, даже когда, взявшись за поручень в автобусе, я ненароком задевала чью-то руку.

– Я не дуюсь на тебя, с чего бы, – буркнула я.

– Ну да. Чтоб ты знала, сидеть с Гусевым – жесть! Он все время заглядывает в тетрадь через плечо – он что, ни по одному предмету у вас не успевает? А вчера от него вообще целый день жутко пахло луком! Так что мой тебе совет: найди объект для грез получше.

– О чем это ты? – чересчур, кажется, сильно изумилась я.

– Ладно, проехали, – махнула рукой Анфиса. – До конца перемены еще пять минут. Может, пройдемся по коридору?

– Ну давай, – пожалала плечами я.

Простуда моего соседа по парте переросла в пневмонию, и весь следующий месяц мы с Анфисой беспрепятственно сидели вместе. Моя неприязненность к ней постепенно сменилась настороженностью, а затем – непреходящим интересом. Эта девчонка каждый день кощунственно расширяла границы моего сознания, делая то, чего я даже представить себе не могла.

Начну с того, что через полторы недели нашего общения она заявила:

– Теперь мы можем считаться подругами, так что называй меня Линой.

– Линой?! Почему? – вполне закономерно удивилась я.

– Я разрешаю друзьям называть себя *настоящим* именем.

– А разве твое настоящее имя не Анфиса?

– Ох, – закатила глаза она. – Ну, пока – да, Анфиса. Но как только мне исполнится восемнадцать, я сменю имя и стану Ангелиной! Мама говорит, это блажь и она никогда такого не позволит, но в восемнадцать-то лет я уже смогу делать все, что захочу! Ты только представь: все начнут называть меня Линой только через шесть лет, а ты – уже сейчас! Правда, здорово? Это как предсказать будущее!

После этого разговора я, ошеломленная новой для меня идеей присвоить чужое имя, некоторое время почти всерьез

размышляла о том, чтобы тоже когда-нибудь поменять свое простенькое – Ольга – на более роскошное. Даже сборник имен полистала и как бы невзначай спросила маму, почему она не назвала меня Мирандолиной или Грациэллой. Та – чего и следовало ожидать – несколько секунд хохотала, а потом спросила, чем меня не устраивает мое имя. «Да вроде бы всем устраивает», – подумав, ответила я, но в этот же вечер выпалила Анфисе по телефону (привычка болтать друг с другом даже после школы начала формироваться уже тогда):

– Знаешь что, называй меня Златиславой!

– Как?! – подавилась от смеха Анфиса.

– Зла-ти-сла-вой! Золото и слава. Красиво же?

– Ты что, тоже решила сменить имя?!

– Не знаю, может быть...

– И как же тебя будут звать сокращенно? Златой?

– Нет, «Злата» мне не очень нравится.

– Тогда, может, Славой?

– Это же мужское имя! Более того, так звали паренька из нашего двора, который вечно кидался в меня снежками. Я так рада, что он наконец переехал...

– Вот видишь, это имя тебе не подходит, – насмешливо резюмировала Анфиса.

– Сама уже поняла, – фыркнула я и замолчала, листая сборник имен. – Я тут еще несколько вариантов отметила... может, Вивиана?

– Вива или Аня? Кстати, героиню «Красотки» звали Ви-

вьен, а она была проституткой.

– Тьфу ты господи! Тогда... Дизидерия!

– Чего?!

– О`кей, нет так нет... а вот... Делия. Просто и со вкусом.

– А ничего звучит. И сокращений не надо, – согласилась

Анфиса. – Делия Плотникова...

– Что-то не очень сочетается.

– Уж получше, чем Дизидерия. К тому же тебе же еще замуж выходить. Если изменишь имя, как я, в восемнадцать, там до замужества уже рукой подать, – уверенно заявила она.

– И опять менять паспорт, – вздохнула я.

– Это верно. Так что лучше сделать все сразу.

– В смысле?

– Ну, выйти замуж в восемнадцать и сразу сменить имя.

Или подождать до двадцати, когда все равно надо получать новый паспорт...

– Долго ждать.

– Я тоже так думаю. Значит, в восемнадцать, решено.

Имя Делия ко мне как-то не пристало, зато моей новой подруге емкое и красивое Лина подходило куда больше, чем неуклюже-старомодное Анфиса, так что с тех пор я называла ее именно Линой. Вскоре я уже не могла представить для нее другого имени, а настоящее, которым называли девочку остальные, стала воспринимать как что-то вроде нелепого прозвища.

На следующий же день после дискуссии об именах Лина поразила меня снова.

На уроке географии большей части нашего класса раздали скучнейшие доклады про полезные ископаемые. Записывая свою тему, я с неудовольствием подумала о том, что придется перерыть весь книжный шкаф в поисках нужной энциклопедии или, чего доброго, тащиться в школьную библиотеку. В то время интернета почти ни у кого не было – сейчас, конечно, такое и представить трудно. «Ну, может, пойду вместе с Линой – хоть не так скучно будет», – утешила я себя, но в следующую секунду вышеупомянутая тяжело вздохнула:

– Ох, опять раскошелиться на Зойку...

– Какую Зойку? – не поняла я.

– Да соседку мою. Ей родители карманных денег почти не дают, вот и приходится заниматься такой ерундой. Берет она, слава богу, не очень много... за биологию на прошлой неделе всего сто пятьдесят взяла, а там ведь не доклад, а целый реферат был...

– Стой, ты платишь кому-то за рефераты?! – изумленно перебила Лину я.

– Ну да, – безмятежно отозвалась она – так, будто это было чем-то само собой разумеющимся. – Неохота мне время тратить. Этот докладик обойдется, думаю, рублей в сто – больше я за него не дам, пусть и не просит.

– И давно ты таким образом... учишься?

– Прикинь сама: переехали мы с родителями накануне

Нового года, и с Зойкой, которая с нами на одном этаже живет, я стала общаться почти сразу. Значит, практически с первого дня учебы в этой школе.

Несмотря на то что с начала ее учебы «в этой школе» прошло на тот момент не более двух недель, нам уже задали несколько рефератов и докладов по разным предметам, и по некоторым мы даже успели отчитаться. Я не могла поверить, что тот интереснейший доклад про русскую культуру тринадцатого века, во время которого никто, кроме выступающей, не вымолвил ни слова и все взгляды были обращены на нее (Коля Гусев при этом, разумеется, снова забыл закрыть рот), подготовила не Лина, а какая-то Зойка за сто рублей. Конечно, Лина неизбежно вносила свою лепту – хорошо поставленным голосом с правильными интонациями и своевременными паузами... да и, что уж там, эффектным внешним видом. И все же, если она читала чужой доклад, это сильно портило мне впечатление.

Впрочем, впоследствии то ее признание не раз удерживало на весу мою самооценку: если подруга превосходила меня в учебе (что происходило довольно часто), я находила повод приплести к этому Зойку. Даже когда Лина писала и сдавала контрольные на моих глазах, я убеждала себя, что Зойка рублей за триста решила для нее все возможные виды задач по теме и листок с решениями был незаметно вложен в тетрадь Лины. Хотя в глубине души я понимала, что в алгебре, геометрии и физике подруга и без всякой Зойки соображает

раз в сто лучше меня.

Что обидно, на самостоятельных она никогда мне не помогала. Сосредоточенно утыкалась в тетрадь, и все, что от нее слышала, было «а, да, сейчас, минутку» и «сама пока не знаю, как решить, соображу – скажу». В итоге я все ждала, пока Лина найдет для меня минутку, сообразит и скажет, как решать задачу, потом учителя с криками «все, время вышло!» вырывали у всех тетради, и всегда создавалось впечатление, что Лина тоже мало что успела – она вечно что-то дописывала в последние секунды... Но потом выяснялось, что она получила пятерку, а я – четверку, а то и трояк.

Я старалась не обижаться – все-таки она объективно была слишком занята, чтобы еще и помогать мне. Но я-то помогала ей всегда – в русском, в литературе, в английском – во всем, в чем она была слабее меня. Иногда Лина сдавала полностью решенные мной тесты по английской грамматике, в то время как я еще и наполовину не справилась со своими. Нет, я не хвастаюсь – для меня это был вовсе не подвиг, просто я так представляла себе дружбу: на первом месте друг, а потом уже ты сам. Конечно, немного обидно, когда у друга по отношению к тебе совершенно другая, скажем так, философия, но это его личное дело, считала я.

Вскоре мы с Линой договорились с классной, что будем все время сидеть вместе (не думаю, что моего бывшего соседа по парте это сильно расстроило, тем более теперь он смог пересесть поближе к друзьям). Наша неразлучность оказа-

лась очень удобной для нас обеих. У меня за шесть лет так и не нашлось в классе близкой подруги, так что больше никто на мое общество сильно не претендовал. Несмотря на несомненное обаяние Лины, очереди из подружек к ней тоже не выстраивались. Да, она была новенькой, ее связи в коллективе не успели укрепиться, но дело было не в этом.

Внимания на нее обращали больше, чем на кого-либо. Ею интересовались, к ней присматривались, но она была для одноклассников кем-то вроде диковинной птицы. Подозреваю, в основном потому, что первой из наших девочек начала вести себя женственно – краситься, слегка кокетничать, стараться произвести впечатление... никто тогда еще этого не умел.

– Ох и скукотища тут у вас, – как-то заявила мне Лина.

Был перерыв, мы стояли у подоконника неподалеку от кабинета биологии и ели один «Твикс» на двоих.

– В смысле? Почему? – переспросила я.

– Никто не делает макияж, почти ни у кого маникюра нет, все девчонки с хвостиками ходят... в той школе, где я училась, все класса с пятого начинали себя в порядок приводить.

– С пятого?! Да ладно!

– Ага... А отношения? Я тут уже три месяца, и за это время почти не наблюдала, чтобы кто-то с кем-то встречался! Ну, Ирка со своим, слышала, рассталась, – а другие? У некоторых, конечно, все как на ладони – взгляды, странные шуточки, неестественное поведение... но в итоге ничего серьез-

ного.

– Все как на ладони? – заинтересованно перебила я. – Ты хочешь сказать, что у нас в классе кто-то в кого-то влюблен?

– Конечно, ты – в Гусева, – невозмутимо выдала Лина.

– Хватит уже, – смутилась я. – Ерунда...

– И все-таки. А он влюблен в... как ее... Брасову.

– А разве не в тебя?

– Нет, мной он переболел почти сразу, и я нравилась ему чисто внешне, а к Наташе у него что-то посерьезнее... видела, как он на нее смотрит? Она недавно забыла в кабинете перчатки на последнем уроке и успела уйти на улицу, так он схватил их и мчался за ней, не успев даже пальто надеть, аж до светофора! И все равно у них ничего нет.

– Как это ты все замечаешь? Вроде вместе ходим, – недоумевала я, стараясь не показать, как меня задела новая информация: на Лину-то я, ясное дело, не злилась, но вот Брасова с того момента, сама того не подозревая, стала вызывать во мне исключительно неприязнь. И что в ней такого? Типичная «серая мышь»...

– У меня – наблюдательность, интуиция и кое-какой опыт, – подмигнула Лина, – который мне подсказывает, что в нашем классе умеют целоваться от силы человек пять.

– Разве этому надо учиться?

– В том-то и дело, что нет. Умеют те, кто пробовал.

– А ты пробовала? – доверчиво спросила я.

– Спрашиваешь! Конечно, – отозвалась Лина важно, и

тут, к несчастью, прозвенел звонок, пришлось поторопиться в класс.

Сколько я ни пыталась потом вывести подругу на эту тему, все было безрезультатно.

Это занимало меня, но недолго: вскоре возникли более серьезные вопросы. Летом предстояла сдача наших первых экзаменов – и разделение по профильным классам. Здесь наши с Линой дороги должны были разойтись: я, ясное дело, собиралась в гуманитарный, она – в физмат.

– Но все же не так плохо, правда? Пусть мы не будем сидеть вместе на уроках, но можно же встречаться каждую перемену, идти в буфет, правда же? – тормозила я подругу в надежде услышать что-нибудь вроде «разумеется, куда ж мы друг от друга денемся», но она отвечала нечто неопределенное типа «надо еще экзамены сдать».

Мне слабо верилось, что Лина сомневается в своих силах – ей, с ее ярко выраженными способностями к точным наукам, ничего не грозило. Да и вряд ли кого-то собирались исключать: провалившихся пока направляли в общеобразовательный класс. Правда, его расформировывали через два года – уж если к тому времени человек не определялся с профилем, ему приходилось уходить в школу попроще. Наша-то считалась одной из самых престижных в городе.

Маловероятно было, что мы с Линой обе не поступим и застрянем в «простом» классе – иными словами, разлука была почти неминуема. Но по непонятным мне причинам ей не

хотелось это обсуждать. В какой-то момент я даже обнадежилась, решив, что ей тяжело об этом думать. Но, к сожалению, я ошибалась.

Мне отчетливо запомнился наш диалог в середине мая – было совсем тепло, только что закончилась череда праздников, и на душе у обеих было легко – ни о каких экзаменах не думалось. Мы болтали о всякой ерунде, а потом все-таки вышли на учебную тему, но прошли по ней как-то поверхностно.

– Говорят, с тройками в этом году в профильные классы не принимают, – лениво поделилась я (все равно мы не относились к «опасной» категории: у меня намечалось всего три четверки, а у Лины – вообще две, а о тройках речь не шла).

– Думаю, принимают. Иначе бы общеобразовательный класс лопнул. Но да, когда я сюда поступала, мне сразу сказали, что, если я хочу проучиться здесь больше полугода, лучше все-таки закончить седьмой класс без плохих оценок.

– Слушай, а ты в той школе хорошо училась?

– Ага. Мне с подругой повезло, – усмехнулась чему-то Лина.

– А, с подругой типа Зойки?

– Типа тебя, Оль.

– В смысле? – Я никак не могла понять, шутит она или нет.

– Ну, она была почти как ты, только ты лучше!.. Послушай, ты читала этот дурацкий параграф по географии про мелиорацию? Я чуть не уснула на пятой строчке.

– Я тоже дальше не продвинулась... А расскажешь мне про эту подругу?

– Далась она тебе!

– Да ты вообще мне ничего не рассказываешь, особенно в последнее время, – в конце концов разобиделась я. – Подумать только, я ни разу не была у тебя дома!

Это была моя больная тема: Лина жила в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от школы, а до моего дома нужно было либо ехать, либо идти минут сорок – тем не менее до и после уроков мы постоянно сидели у меня. Лина была знакома с моими родителями и частенько обедала и ужинала у нас (мама даже стала готовить больше супа, чтобы я кормила ее), а я даже ни разу не видела ее семью. Лина просто не приглашала меня к себе.

«Куда смотрят ее родители? – недоумевала моя мама. – Их дочка постоянно проводит время у нас, а они даже не хотят с тобой познакомиться! Совершенно невоспитанные люди. Они случайно не из деревни? А кем работают?». Этого я, к несчастью, не знала – как и многого другого. В разговорах со мной Лина почти не упоминала ни свою семью, ни других друзей (если они вообще были), лишь изредка – прошлую школу, в основном для сравнения с теперешней. Насколько я могла судить, единственным большим достоинством той, старой, школы было ее расположение – во дворе дома, в котором тогда жили Лина и ее родители. В остальном же – и в уровне образования, и в контингенте – она сильно уступала

нашей.

Может, Лине, проучившейся там шесть лет, и казалось, что учебное заведение сильно проигрывает от того, что в его коридорах на каждом углу не обжимаются одиннадцатилетние накрашенные девочки и их ровесники-мальчики с бутылкой пива в одной руке и сигаретой в другой... Если так, то у нас ей действительно должно было быть смертельно скучно. Краситься она так и не бросила – дань традициям.

Больше ни о чем из своего прошлого она мне не рассказывала. И тут – нате! – еще какая-то подруга всплывает, и о ней Лина тоже не хочет говорить...

Видя, что моя обида не произвела на нее должного впечатления, я с нажимом повторила:

– Ты вообще все от меня скрываешь! И я ни разу не была у тебя дома!

– Мы недавно переехали, еще не до конца все обустроили, сейчас идет ремонт... – рассеянно произнесла она то, что я слышала уже раз сто.

– А я думаю, дело не в этом, – упрямо заявила я. – Ты просто не хочешь пускать меня на свою территорию. Ты не доверяешь мне или не слишком мной дорожишь.

Мне, разумеется, мечталось, чтобы Лина начала меня переубеждать, но она не стала заниматься такой ерундой и сделала вид, что все же решила пролистать параграф про мелиорацию.

На тех выходных она ни разу не позвонила. Это стало для

меня неприятным сюрпризом, и из гордости я решила тоже не звонить ей – подумаешь, какая цаца, еще не хватало за ней бегать.

А в понедельник меня ожидало потрясение.

По дороге на первый урок я столкнулась с девчонкой из параллельного класса – мы всегда любезно здоровались, но почти никогда не заговаривали друг с другом, я даже не помнила ее имени. Поэтому сильно удивилась, когда после обычного «привет» она остановилась и обратилась ко мне:

– Как выходные?

– Хорошо, – информировала я слегка настороженно.

– Чем занималась?

– Я... ну... сходила с родителями в кафе... сделала уроки... фильм посмотрела, – послушно перечислила я, недоумевая, чего она от меня хочет.

– А Лина сказала, ты очень занята, – протянула девочка (кажется, Настя, припомнила я).

– Ты видела ее? – машинально спросила я, прежде чем до меня дошло: она сказала «Лина», а не «Анфиса». С каких пор это ее близкая подруга?!

– Вообще-то, она в субботу отмечала свой день рождения.

День рождения?! Каким-то нечеловеческим усилием я совладала с собой и забормотала:

– А... ну да... знаешь... мы с ней отпразднуем отдельно... вдвоем... мы же лучшие подруги... Я и забыла, что со всеми *остальными* Лина отмечала в субботу. А кто был при-

глашен?

– Всего нас было шестеро, – с готовностью сообщила Настя. – Я, она, Соня, Лиза...

– Соня и Лиза? Из «В» класса, что ли?

«Но Лина с ними никогда не общалась! По крайней мере при мне...»

– Да, именно. А из вашего были Пашка Журавлев и Коля Гусев. Кстати, Анфиса с Колей весь вечер флиртовали – сначала инициатива исходила от нее, а он очень смешно смотрел на нее и краснел, но потом Коля осмелел и даже, кажется, номер телефона у нее попросил! Ох, никак не привыкну называть ее Линой. – Девочка посмотрела на часы и сразу заторопилась. – Ладно, сейчас алгебра, надо идти... Слава богу, что у вас с Анфи... с Линой все хорошо. Я уж побоялась, что вы поссорились, а она нам не сказала. Было бы обидно – вы такие хорошие подруги.

До последнего времени – до последних пяти минут, вернее – я тоже так думала, но свалившаяся на меня информация отдалила нас друг от друга на пару тысяч километров.

Когда я вошла в кабинет, Лина была уже там, на своем обычном месте. Только рядом с ней, где должна была сидеть я, почему-то расположилась Соня Калинина из класса «В». Они о чем-то увлеченно болтали. Как только я приблизилась, Соня вскочила:

– О, вот и Оля! Все, убегаю к себе. Зашла на пару минут обсудить день рождения Лины. Как жаль, что ты не смогла

прийти – было здорово! Лин, тогда на перерыве в буфете, как договаривались.

Соня быстрым шагом покинула кабинет, а я, присев на ее (то есть на свое, вообще-то) место, спокойно и, как мне казалось, с достоинством спросила:

– И что все это значит?

– А что такое? – невозмутимо отозвалась Лина.

– Еще спрашиваешь! – Самообладание покинуло меня довольно быстро. – Ты перестаешь со мной общаться, не звонишь, а теперь от каких-то чужих людей, с которыми ты в жизни не дружила, я узнаю, что у тебя был день рождения и ты не только не пригласила меня, но и не удосужилась сообщить...

Я остановилась, обнаружив, что моя речь сильно напоминает речи нашей дальней родственницы тети Розы, которая звонит раз в месяц, чтобы пожаловаться на то, что мои родители и я совсем ее забросили и не приезжаем в ее Урюпинск. Каждый раз она говорит одно и то же, поэтому, когда на радиотелефоне высвечивается ее номер, мы всегда начинаем спорить, чья на этот раз очередь взять на себя разговор с ней. Из опыта общения с тетей Розой я уяснила для себя, что ныть и жаловаться на невнимание бессмысленно – это только раздражает людей и усугубляет ситуацию.

– М-м... разве ты не была занята? – чертя на полях тетради узоры, равнодушно произнесла Лина.

– Я? Занята? Да с чего ты взяла?

– Мне казалось, ты говорила, что куда-то собираешься с родителями на выходных, вот я и не стала тебя огорчать и не сказала, что отмечаю.

Я озадаченно перебила:

– Что-то такое я тебе говорила, да... неделю назад. Мама планировала съездить на дачу, но потом мы перенесли на следующие выходные: у папы побаливает нога, и мы...

– Значит, следующий уик-энд у тебя тоже занят? Жаль, мы с друзьями едем за город кататься на роликах.

– «Тоже» здесь неуместно, а «друзья», я подозреваю, все те же?

– Соня, Настя...

– О господи. Лина, опомнись! С каких это пор они стали твоими друзьями?!

– Я много общалась с ними, когда ты болела.

– Когда я... а, ты имеешь в виду те два дня, которые я пропустила из-за насморка? Поразительно. Ладно, а почему именно они?

– А почему нет.

Не зная, что на это ответить, я помолчала, а потом постаралась как можно более безразлично осведомиться:

– А с Журавлевым и... Гусевым ты тогда же успела подружиться?

– Да я их просто так пригласила, – скучающе отозвалась Лина. – Тоскливо, когда одни девчонки. Пусть, думаю, будет пара ребят из класса... они вроде самые нормальные.

– Гусев нормальный?! Двоечник, от которого пахнет луком?!

– Потихе, он недалеко сидит, услышит еще.

– О, тебя еще начало волновать, кто что услышит и подумает! С чего вдруг такие перемены?

– Что-то биологичка не торопится, – будто не слыша меня, меланхолично заметила Лина.

– Понимаю, тебе не терпится – сегодня ведь день докладов, и Зойка наверняка приготовила тебе хорошую работу, пока ты флиртовала с Гусевым и болтала со своими новыми друзьями! – не удержалась я.

Тут она наконец сообразовала на меня посмотреть – устало и слегка недовольно.

– Тебе не надоело меня отчитывать, а? Не устраивает что-то – так и не общайся со мной, я разве заставляю? Хоть вообще отсыдь.

– Ты серьезно? Но нам чуть больше недели осталось вместе сидеть – тебе на это плевать?!

– Не драматизируй. Хочешь сидеть здесь – сиди, не нравится – иди. Все просто.

– А, вот как? Ну и отлично. Я пойду. – Я схватила сумку и вскочила с места. – И, знаешь, уже не вернусь!

– Понятно, – незатейливо среагировала Лина, не отвлекаясь больше от рисования своих узорчиков.

Похоже, происходящее впечатляло только меня – и, возможно, Наташу Брасову, которая отвлеклась от репетицион-

ного чтения своего доклада и с удивлением наблюдала мое стремительное путешествие на другой ряд.

«А мне-то зачем было уходить? Я, в отличие от Лины, на том месте с пятого класса сижу! – запоздало подумала я. – Ну да ладно. До конца учебного года – всего ничего. А потом... потом – удачи ей в физмате!»

Тут я резко выпрямилась – до меня дошло... «Ах, ну раз ТАК...»

– Вы представляете, я вдруг поняла, по какому принципу Ли... Анфиса подобрала себе этих новых... приятелей! – рассказывала я за ужином родителям (очень уж хотелось поделиться с кем-то своим возмущением). – Все они – и Соня, и Лиза, и Настя, – по-моему, собираются в физмат! И гарантированно туда попадут – я слышала, учатся все они хорошо и экзамены выдержать должны... Та же история с Пашкой Журавлевым. Только с Гусевым не сходится.

– Гусев? А кто это? – поинтересовалась мама. – Ты никогда о нем не упоминала.

Ну разумеется – о мальчиках, к которым была равнодушна, я старалась не говорить с родителями вообще: боялась чем-то выдать себя. Вряд ли они стали бы ругаться или смеяться, но мне точно было бы неловко.

– Одноклассник, – коротко ответила я, но потом зачем-то ожесточенно добавила:

– Да что о нем упоминать – учиться плохо, ни на что не годен... ему прямая дорога в общеобразовательный класс.

Папа изучающе поглядел на меня и тут же снова уткнулся в свою тарелку. Неужели догадался?

– Почему тогда Анфиса его пригласила? – спросила мама (а она, похоже, не догадалась).

– Не знаю.

– Может, твоя теория неверна? Что, если она просто заметила, что отношения со своим классом не клеятся, и решила проявить инициативу, заодно подключая людей из параллели?

– Что это вдруг – в середине мая? Раньше ее все устраивало. И вообще – как же я? Почему она больше не хочет дружить со мной?! – Главный из беспокоящих меня вопросов я выпалила чуть ли не со слезами на глазах.

– Ну... вы не будете учиться вместе... – начала мама неуверенно.

– Поэтому – и только?!

– Слушай, Оль, не страшно, – вмешался папа. – Эта Анфиса мне все время казалась какой-то странной. И к себе тебя ни разу не позвала. Невелика потеря – в гуманитарном классе найдешь себе новых подруг, в сто раз лучше, и забудешь о ней.

Я энергично помотала головой и гордо выдала:

– Я не она, и я не забуду самую близкую подругу только из-за того, что мы с ней не сможем сидеть за одной партой

на уроках.

– Самую близкую подругу? – переспросил папа. – Вот оно что. А что для тебя дружба?

– Дружба... это почти как любовь. То есть... почему почти? Это и есть любовь.

– Тогда что для тебя любовь?

– Любовь – это когда человек для тебя всегда самый лучший, что бы он ни делал. И ты всегда на его стороне. На его и только на его.

– Но это уже фанатизм какой-то, – вмешалась мама, почему-то встревожившись. – Тогда выходит не дружба, а обожествление. К тому же друзей может быть много – не будешь же так поклоняться каждому из них?

– Друг должен быть один, – убежденно произнесла я.

Переглянувшись, родители пожали плечами.

До экзаменов мы с Линой и словом не перекинулись. Остаток учебного года я досидела в одиночестве – она тоже, но ее одиночество вообще как будто не имело для нее особого значения и было в целом эпизодическим. Пусть на уроках она ни с кем не болтала, зато перерывы никогда не проводила одна. Слоняясь по коридорам в нетерпеливом ожидании окончания перемены, я все время заставляла ее в окружении подружек.

Таинственный флер, заставлявший всех чуть ли не почтительно держаться от Лины на расстоянии, исчез: теперь она

была душой компании, хохотушкой и милашкой. Куда делась та эксцентричная особа, которую я знала? Как бы то ни было, она осталась в выигрыше – я же радовалась только тому, что учебный год вот-вот закончится и пытка не продлится долго. Я тосковала, не знала, куда деть время, и постоянно ловила себя на мыслях вроде «отличная шутка, Лине понравится» или «она просто упадет, когда я ей расскажу!», а потом вспоминала, что мы больше не общаемся, и ощущала странную пустоту в душе.

«Ведь у меня и до нее не было близких подруг – чем же я занималась на перерывах? – спрашивала я себя. – Не скучала же... читала книжки, повторяла уроки, болтала с кем-то, пила чай в буфете... почему теперь все это кажется таким вымученным, вынужденным – убийством времени?»

Иногда проскальзывала мысль о том, что можно было в принципе не уходить от Лины так демонстративно. Ей, видимо, совершенно все равно, а если бы мы не поссорились «официально», то, может, немного ее внимания перепадало бы и мне... Но нет, останавливала я себя, это пораженческая психология, пусть знает: со мной так обращаться нельзя! Она не позвала меня на свой праздник, променяла меня на других подружек и фактически сама предложила мне отсесть – разве после такого примирение возможно?! Я распляла себя этими воспоминаниями, чтобы убедиться, что все правильно, все как надо. Но был ли какой-то толк от моей правоты?

Наконец учебный год закончился. Это принесло огромное облегчение: по крайней мере мне не приходилось сталкиваться с Линой каждый день, да и слоняться в тяжелых раздумьях было некогда, ведь я готовилась к экзаменам. И все-таки иногда накатывала грусть. Я даже всплакнула над голливудским фильмом о брошенной невесте: мне были понятны ее боль, растерянность, обида и ощущение одиночества.

Поступить в гуманитарный класс оказалось легче, чем я думала. По английскому я ответила без запинки, на истории нам разрешили рассказывать свою любимую тему, ну а написать сочинение для меня никогда труда не составляло. За десять дней я выдержала все три экзамена – два на «отлично», да и в результатах третьего не сомневалась (оценку должны были объявить через пару дней).

Впервые за последний месяц у меня было великолепное настроение. Я сдала сочинение первой и летела по школьному коридору словно на крыльях – мне казалось, что я лечу навстречу светлому будущему. Скоро, уже очень скоро – новое расписание уроков... Висевший рядом с учительской график занятий восьмого гуманитарного класса всегда был предметом моей зависти – сплошь русский, английский, литература – ну просто мечта! Новые учителя, новые одноклассники... много людей из других школ... и среди них, возможно, – моя будущая любовь (на сей раз взаимная)! И, уж конечно, новая лучшая подруга.

Мы будем сидеть вместе до конца одиннадцатого класса. Вместе плясать на выпускном. И, чем черт не шутит, может, на один факультет поступим! Но это потом. А пока – мы станем проводить вдвоем все свободное время. Придумывать общие шутки – никто не сможет понимать их, кроме нас, и это сблизит нас еще больше. Будем есть мороженое весной и летом на лавочке и болтать обо всем, засиживаться друг у друга допоздна, а потом возвращаться к себе и продолжать общение уже по телефону. Утешать друг друга в тяжелые и просто «смутные» времена. Ревновать друг друга к бойфрендам, но давать полезные советы в случае проблем с ними. Вместе ходить по магазинам и дискотекам (может, когда-нибудь я полюблю танцы?), коллекционировать бесполезных ухажеров. Зимними вечерами мы будем мечтать об отдыхе на море – вдвоем, разумеется – и когда-нибудь, пусть после школы, непременно исполним эту мечту...

Что еще? Сидеть на одном стуле, когда не хватает мест, а иногда и когда хватает – просто так, от гипердружеской нежности. Ходить иногда за ручку (думая об этом, я даже как-то забыла, что ненавижу тактильные контакты)... слушать в плеере любимые песни и распевать их вдвоем, шагая по центральной улице города (пусть я и равнодушна к музыке)...

О, у нас будет замечательная дружба – лучшая в классе, в школе, в мире. Все умрет от зависти. И Лина, конечно, тоже: у нее с ее подружками никогда так не будет...

Мысли о Лине слегка омрачили идиллическую картину,

которую я себе нарисовала, и я нахмурилась.

– Привет! Что такая недовольная? Как экзамены?

Я чуть не подскочила от неожиданности. Передо мной стояла Настя и, как всегда, приветливо улыбалась.

– Отлично! – мгновенно засияла я – Лина компания должна видеть, что я прекрасно себя чувствую и не думаю страдать. – Сочинение написала только что – думаю, успешно. Остальные пятерки.

– Молодец! – искренне, кажется, обрадовалась Настя. – Я тоже все хорошо сдала. Только что вот геометрию на «пять» ответила...

– Здорово... Ответила? Разве геометрия не письменный экзамен?

– Не совсем. В билете две задачи и одна теорема. Отвечаешь устно теорему, а решение задач проверяют прямо у тебя на глазах и сразу объявляют оценку. Волнительно, конечно... Лина все строила из себя супермена, а сама, по-моему, дрожала, как осиновый лист. Надеюсь, ей повезло с билетом.

– А... она еще сдает?

– Да, сейчас в кабинете. И Соня с Лизой тоже там. Я первая из нас отмучилась.

«Из нас»... дружная компания... эх... да ну, бред. Не может у четырех человек быть такой же тесной дружбы, как у двух. Дружить со всеми – это все равно что ни с кем.

– Не хочешь со мной их подождать? – внезапно предложила Настя.

– Зачем? – удивилась я.

– Поздравишь Лину с успешной, надеюсь, сдачей... думаю, ей будет приятно... а то вы что-то совсем перестали общаться, – заметила она.

– У нас разные интересы, – независимо отозвалась я, не представляя, впрочем, что это за «интересы».

– Так что, не хочешь подождать?

– Почему же. Подожду, – внезапно согласилась я.

Помню, когда выяснилось (еще давно), что почти все экзамены мы с Линой сдаем в одни и те же дни, я представляла, как, едва получив свою оценку, я сломя голову буду мчаться к ее кабинету и гипнотизировать взглядом дверь, пока она не откроется и счастливая Лина не устремится ко мне. А если ее экзамен закончится раньше моего, то, наоборот, я, выйдя в коридор, застану там ее... Но теперь вместо меня ее ждет новая подружка, а я лишь случайно проходила мимо.

И все равно – хотя бы из уважения к бывшей дружбе – я дождусь Лину, поздравлю, пожелаю ей удачи на новом пути и потом уже гордо удалюсь. Пусть мы больше и словом не перекинемся, но сейчас... сейчас я должна.

Долго ждать не пришлось. Не успели мы с Настей подойти к кабинету, как из-за его двери выскочила Лина и, не пытаясь скрыть радость, прокричала:

– Я! Ученица! Физмата! Все!

– Что, «пять»? – зашебетала Настя, прыгая вокруг нее. – Да? Ура, ну какая же ты молодчина! Поздравляю, однокласс-

ница!

Они крепко обнялись, и теперь только из-за Настиного плеча Лина заметила меня, стоявшую слегка поодаль. Видимо, не зная, как реагировать, она быстро отвела взгляд. Порадовавшись ее растерянности и тут же почувствовав себя хозяйкой положения, я поспешно подошла и произнесла:

– Привет. Я тоже только что сдала последний экзамен. Решила вот подождать...

– А, ясно, – небрежно отозвалась Лина. Даже не спросила, как я сдала!

– Послушайте, – вмешалась Настя, – а не отметить ли нам в кафе, когда все освободятся? Мороженого поедим... Оль, давай и ты с нами!

– А зачем ей? Наверное, она со своими одноклассницами отметит, – без всякого выражения сказала Лина, обращаясь к Насте, будто меня и рядом не было.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась та. – Человек, между прочим, специально тебя ждал, а ты...

– Да нет, ты права, – заявила я, глядя прямо на Лину. – У меня другие планы. Я узнала, что с экзаменами у тебя все отлично – этого достаточно. Поздравляю, удачного лета.

– Ага, спасибо, и тебе.

В ее голосе не было ни скрытой обиды, ни злости, ни нарочитого пренебрежения – гораздо хуже: ей просто было все равно. Первоначальная растерянность уступила место вежливому безразличию.

Но что я ей сделала? Она уже наладила связи с будущими одноклассниками – почему она не хочет даже, чтобы я посидела с ней и ее подружками полчаса в кафе? Неужели я своим видом испорчу ей праздник? Может, она затаила на меня обиду? Но на что? Нет, так нельзя оставить... надо все выяснить.

– Я ухожу, – сказала я, снова посмотрев Лине прямо в глаза. – Позвони мне вечером. Пожалуйста. Надо поговорить.

– Ладно, – пожалала она плечами – странно, что не добавила что-нибудь вроде «надо так надо» – прямо Золушка, на которую свалили еще одну обязанность.

– До связи. – Я упорно сверлила ее взглядом, и она быстро опустила глаза.

– Пока.

По моим подсчетам, вечер начинался в пять.

– Шестнадцать часов – это еще день, а семнадцать – уже нет, правильно? – уточнила я у родителей, когда мы пили чай с тортом, купленным в честь окончания моих экзаменов.

– Верно, – отозвалась мама. – Да ты не волнуйся. Сейчас темнеет поздно. Может, она гуляет еще.

– Может...

Я посмотрела на часы (восемнадцать сорок) и на радиотелефон, который начиная с семнадцати ноль ноль таскала за собой даже в ванную. От моего взгляда телефон внезапно

ожил и зазвонил.

– Вот и твоя подруга, – улыбнулся папа. – Что же ты, отвечай.

Но я знала, что это не она, еще до того, как посмотрела на дисплей: аппарат издавал такие натужные звуки, будто ему было крайне сложно донести до нас свою мелодию. Так он «напрягался», только когда звонила тетя Роза.

– Пожалуйста, не бери трубку! – взмолилась я (мама уже протянула руку к телефону). – Это надолго, а я жду звонка!

– Это разве не... о господи. Только ее не хватало. А я смотрю, что-то ты не торопишься отвечать. Кто разговаривал с Розой в прошлый раз?

– Думаю, я. Точно я, – отозвался папа, сразу повеселев: его очередь теперь нескоро.

– А до этого? – осведомилась мама, все еще держа руку над усиленно звонящим телефоном.

– Я, – пискнула я, хотя была уверена в сказанном лишь процентов на пятьдесят.

– Да хватит! Ты была уже давно. По-моему, я.

– Боюсь, ты огорчишься, но это была Оля, – вмешался папа.

– Что, теперь я?! Ну нет. Хоть раз можно и не ответить вообще, – мгновенно приняла решение мама. – Можем мы, в конце концов, уйти куда-нибудь!

– Если не перезвонить ей хотя бы завтра, в следующий раз она будет больше обычного ныть о том, что ее все игнориру-

ют, – предостерег папа.

– Так перезвони!

– Я?! Я-то почему?! Очередь твоя!

– Я пропускаю свою очередь!

– Так нечестно! И вообще, если пропускаешь, следующая все равно Оля, а не я!

Пока родители спорили, телефон прекратил самоистязание и затих, и я вздохнула с облегчением. Даже если завтра придется выслушивать двойную порцию тети Розиных излишней, главное, чтобы сегодня вечером телефон не был занят. Это важно.

Однако я, похоже, напрасно беспокоилась: было семь, а Лина все еще не думала звонить. Точнее, я не могла знать, что она там думала, но что не звонила – это факт.

«А когда бы это сделала я на ее месте? – размышляла я, смывая Fairy с тарелок (чтобы занять себя делом, я вызвалась помыть посуду). – Мне сказали «вечером» – и я подумала: «Ну что ж, часиков в восемь»... Так? Да, скорее всего, не в пять. Мама Лины рано ложится, так что это должно случиться до десяти. Но до десяти еще три часа!»

Признаться, я редко проявляла такую фантазию в выборе занятий, как в тот вечер: закончив с посудой, я сплела фенечку (вторую или третью в моей жизни), прочитала страниц десять первой попавшейся книги (первым попавшимся оказался словарь ударений), полистала фотоальбомы, попробовала даже порисовать. Отказалась от идеи посмотреть

фильм или послушать музыку: возникала опасность не услышать звонок. Ожидание мое было терпеливым, упорным и преданным и продолжалось до тех пор, пока мама, войдя в комнату, не сказала:

– Слушай, мне кажется, твоя Анфиса уже не объявится. Может, она просто забыла?

Чудовищное и обидное предположение, и все же я ухватилась за него как за соломинку, немного переиначив его для себя: Лина могла не забыть, а перепутать. Например, услышать «завтра» вместо «вечером» (не очень созвучные слова, но бывает же!) или «в субботу» (мало ли!). И она не подозревает, что я тут изнываю в ожидании!

– Я сама ей позвоню, пока нет десяти, – решила я.

– Имеет смысл. Иначе можно зря прождать, – согласилась мама и вышла, оставив меня наедине с телефоном.

Девять двадцать семь. Около получаса на душещипательный разговор с объяснениями, извинениями и клятвами в вечной дружбе – должно хватить. Впритык, конечно, но что поделаешь. После можно (и нужно) будет увидаться и уже тогда обговорить все детально, прикидывала я, пока в трубке шли гудки.

Наконец я услышала заинтригованное «алло?». Лина мама всегда произносила это таким тоном, будто уточняла, какой именно сюрприз ей приготовили.

– Здравствуйте, а можно Анфису? – выпалила я.

– А, одну секунду. До-о-оча-а!

Те же слова, тот же громкий оклик – все как раньше... когда я звонила туда в последний раз? От того, что с тех пор ничего не изменилось, на душе стало тепло.

Вот и голос Лины, ее бодрое «слушаю».

– Привет.

– А, привет. – Мне показалось, что она как-то сразу поскучнела, точно ждала звонка королевы, а позвонил черт знает кто.

По каким-то необъяснимым, как я теперь понимала, причинам приготовившаяся к более дружелюбному «приему», я растерялась и вдруг осознала, что не помню, о чем собиралась говорить с Линой. И вот теперь она ждет – нетерпеливо, уже мечтая положить трубку, – на том конце провода, а я молчу как идиотка. Хуже ситуации не придумаешь.

– Как отметили? – неуверенно спросила я.

– Хорошо, – был ответ.

– С мороженым, как и собирались? – Ох, еще сейчас подумает, что я завидую.

– Оль. Чего ты хочешь?

Эта прямота обескуражила и, конечно, резанула меня, но в то же время заставила собраться и перейти наконец к главному:

– Лин, что происходит?

– Ничего.

– Я тебя чем-то обидела?

– Нет.

– Тогда почему все так?

– Как?

– Да не притворяйся! Мы были неразлучны, а теперь едва здороваемся! Ты проводишь время с другими подружками, а со мной разговариваешь через губу... должна же быть какая-то причина!

– Ну да. Все было хорошо, но теперь мы «разошлись, как в море корабли», – терпеливо пояснила Лина, как работодатель, пытающийся донести до навязчивого соискателя, что высоко ценит его профессиональные качества, но на работу все равно не примет. – У тебя будут – может, уже и есть – новые друзья...

– Но мы же были лучшими подругами! Почему?.. – Крик души, за который мне сейчас же стало стыдно.

Однако почему-то именно на это невнятно-эмоциональное восклицание я получила наконец вразумительный ответ.

– Хочешь знать, почему мы были лучшими подругами? – переспросила Лина.

– Да нет, хочу знать, почему сейчас... – начала я.

– Сначала я ответу на тот вопрос, и ты сразу поймешь, «почему сейчас». Ты лучше всех в классе – в моем теперь уже бывшем классе – знала те предметы, с которыми у меня всю жизнь были проблемы. Я очень хотела попасть в профильный класс, а значит, закончить год без троек, так что мне необходим был такой «тыл». Пару дней я присматривалась и... выбрала тебя.

– Быть не может, – отрезала я, пытаясь за маской заносчивого упрямства скрыть ужасные чувства, которые разом всколыхнулись в моей душе.

– Тем не менее, это так. Не скажу, что мне не было приятно наше общение, но всерьез я его не воспринимала.

Ее голос звучал так убийственно спокойно, что на миг все остальные эмоции перекрыла ярость.

– А не боишься, что я расскажу твоим чудесным новым подругам, какая ты подлая? – Я старалась держать себя в руках и не повышать голос.

– Они тебе не поверят. С ними-то я другая.

– И никогда так с ними не поступишь, конечно.

– Разумеется. Гуманитарными предметами в физмате, надеюсь, грузить не будут, а нужные дисциплины мы, думаю, знаем приблизительно одинаково... так что к дружбе с девочками учеба не будет иметь никакого отношения.

– Ну да, ну да. К тому же на случай чего есть Зойка, так что и вовсе беспокоиться не о чем. – Я еще сохраняла самообладание. – Раз у тебя приступ честности, скажешь все-таки: Гусев тебе зачем нужен? С Журавлевым-то ясно – он в твоём классе будет...

– А я еще не определилась, – безмятежно сообщила Лина.

– В смысле?

– Не определилась, с кем из них хочу встречаться. Они оба симпатичные и оба ко мне равнодушны.

– Ого, теперь ты считаешь Гусева симпатичным?! А с чего

ты решила, что он в тебя влюблен? А как же Брасова? Ты сама говорила...

– Ха, Брасова девочка хорошая, но очень уж тихая. Никогда не решится на настоящий роман. Так что здесь у меня преимущество.

Я была так поражена, что почти забыла об обиде – даже ярость приутихла.

– Настоящий роман?! С поцелуями, что ли?

– Ну, с сексом я планирую подождать хотя бы годик.

– С... годик?! – вымолвила я изумленно.

Конечно, я уже давно знала, откуда берутся дети, но как-то не думала обо всем этом, а тем более не примеряла на себя, так что заявление Лины показалось мне неслыханно дерзким. Лично я не смогла бы говорить о таком запросто.

– Годик, а может, и меньше. Может, конечно, и больше – как пойдет. – Судя по тону, Лина уже теряла терпение. – Ну что, все вопросы выяснили? Будем прощаться?

От «прощаться» мне стало настолько не по себе, что я сразу же забыла ее предыдущие слова и вспомнила главное: лучшая подруга предала меня, я ей больше не нужна.

– погоди... – беспомощно пробормотала я.

– Не унижайся. Я все сказала. Удачного лета, – твердо проговорила Лина и положила трубку, не дожидаясь моего ответа.

Зачем, действительно, ей было лишний раз слушать человека, который уже сыграл свою роль в ее жизни? Надо идти

вперед.

Ошеломленная, я положила радиотелефон на стол. Происходящее еще не уложилось у меня в голове, но я подумала, что, наверное, в таких случаях надо поплакать. И, обняв подушку, увлеченно предалась рыданиям.

Часть 2

«Я требовал от людей больше, чем они могли дать: постоянства в дружбе, верности в чувствах.

Теперь я научился требовать от них меньше, чем они могут дать: быть рядом и молчать».

(А. Камю)

«Уже к двенадцати годам она научилась использовать людей в своих целях, меняться под влиянием обстоятельств. Все зависело от того, чего она хотела добиться...» Нет. Излишне пространное начало. Надо было начинать с диалога – вышло бы живее.

– Оль, ну как? Продвигается? – обернувшись, шепнула моя новая одноклассница, сидевшая впереди.

– Не очень. Думаю ввести диалог... – автоматически отозвалась я.

– Зачем?! – изумилась она. – Как иллюстрацию, что ли?

Тут я сообразила, что она имеет в виду не мою книгу, о существовании которой не догадывается (собственно, пока ее и не существовало, если не считать трех не слишком удач-

ных строчек), а сочинение, под которое были отведены два урока русского. Да, в рассуждении на тему «Язык – одежда мысли» диалоги и впрямь ни к чему.

– А, ты об этом. Да нормально все продвигается, – ответила я, извлекая тоненькую тетрадь в линейку из-под толстой, купленной в расчете на роман или как минимум повесть.

Я была уверена, что все успею, поэтому могла позволить себе отвлекаться на посторонние дела.

– У меня тоже ничего. Лист исписала, – сообщила одноклассница и развернулась обратно.

Я пока не привыкла к тому, что за вопросами о ходе моей работы не обязательно следуют просьбы вроде «а подскажи что-нибудь», «подай идею», «исправь ошибки», как это было с Линой, поэтому выжидающе смотрела на спину вернувшейся к сочинению одноклассницы еще секунд пять. Но она явно не собиралась ни о чем просить.

В гуманитарном классе все так или иначе умеют писать сочинение, напомнила себе я. И вряд ли люди, которые успешно сдали экзамены для поступления, напишут «здесь» через «с». Это было любимое словечко Лины – в каждом сочинении или изложении я исправляла по три-пять «здесь».

Я бросила взгляд на свою соседку по парте, с которой на тот момент общалась, пожалуй, теснее всего... если только это можно было назвать общением. Маша была настолько ленива, что на длительную беседу ее никогда не хватало: она не заканчивала толком ни одной фразы – ни композиционно, ни

тонально. К концу каждого предложения ее голос становился тише и будто умирал. Сначала я думала, что она неуютно чувствует себя в новой школе и от этого кажется замкнутой, но быстро убедилась, что такой стиль разговора – ее характерная особенность.

Я довольно легко смирилась с тем, что долгих увлекательных обсуждений личных переживаний у нас с ней не будет. Меня многое в ней устраивало: Маша была спокойной, не обременяла, не раздражала. А кроме того, как и я, избегала тактильных контактов, то есть не пыталась хватать меня за руку и куда-то тянуть, не заключала в объятия и даже не целовала в щечку при встрече (почему-то в новом классе у девочек с первого же дня сложилась не очень приятная для меня традиция так здороваться друг с другом).

Со мной учились девятнадцать девчонок и только шесть мальчиков, среди которых точно не было ни одного парня моей мечты... возможно, все кандидаты на эту роль притаились в физмате? Увы и ах – нет, мне нравился только один парень, и он учился в «простом» классе... упс, лирическое отступление затянулось.

Итак, не знаю уж, чем я понравилась Маше, но она сразу села со мной. Мы вместе ходили в буфет и гуляли по школьным коридорам на переменах – словом, в моем понимании вели себя как неразлучные подруги, хотя очень мало общались вне школы. Во время наших неспешных проходов по этажам я нередко сталкивалась с Линой, неизменно окру-

женной стайкой подружек. Подружки всегда встречали меня приветливо, она же ограничивалась кивком и никогда не смотрела мне в глаза. В такие моменты я радовалась присутствию Маши: пусть Лина видит, что я уже не одна.

Конечно, Маша не очень подходила под вымечтанный мной образ Лучшей Подруги, но, может, это было и неплохо: после предательства Лины мне непросто было бы сразу сблизиться с кем-то еще.

– А у тебя как движется? – спросила я Машу.

– Нормально, – отозвалась та.

– Про нужный объем помнишь? – спросила я, просто поддерживая разговор.

– Да, два.

– Точно – два листа. Что-то есть хочется, а тебе?

– На перерыве в буфет можно.

– Я бы взяла булочку с маком... или с повидлом...

– Лучше повидло.

– Я сейчас подумала: какое странное слово – «повидло».

Неприятное какое-то, да?

– Хм.

– Плотникова и Свиридова, не разговаривайте! – прервала нашу увлекательнейшую беседу учительница.

– Простите, – сказала я и уткнулась в сочинение – для романа все равно не было вдохновения.

На перемене, после которой предстоял еще один урок русского, мы как-то очень быстро отстояли очередь в буфете и

сжевали свои булочки – когда вернулись в класс, до звонка было достаточно времени. Почти все, устав от сочинения, вышли проветриться, поэтому в кабинете сидели только две девчонки. Рассевшись прямо на парте (учительницы не было), они болтали ногами и увлеченно обсуждали прошедшее лето. Одна из них ездила с родителями на море и закрутила там курортный роман, а вторая провела несколько дней со старшей сестрой в Италии и «оторвалась там по полной».

Не знаю, насколько сильно может в принципе отличаться мировоззрение у школьницы в двенадцать и в тринадцать лет, но во всяком случае в прошлом году со мной учились милые малышки, не так давно бросившие играть в куклы, а в этом – красящие губы и волосы и пахнувшие тяжелыми духами девушки. «Из каких только школ их понабрали? – постарушечьи подумала я. – Вот где Лине было бы свободнее. Впрочем, наверное, в ее классе творится то же самое».

– А ты как лето провела? – вполголоса спросила я Машу, от нечего делать пролистывавшую свою тетрадь.

– В городе. В выходные – дача, – как всегда отрывочно информировала она.

– Я по той же программе. Только в июле мы с родителями съездили на турбазу на десять дней... и то я не уверена, что «оторвалась по полной»... разве что если иметь в виду долгий сон после обеда.

Маша продолжала перелистывать тетрадь – по сложившемуся за пять недель такого общения опыту я знала, что она

меня слушает. Но если ее и рассмешила моя крайне остроумная шутка, она ничем себя не выдала. Возможно, ей просто лень было улыбаться.

– В целом здорово, но как-то однообразно, – продолжала я. – Молодежи мало, по вечерам делать нечего... купание – единственное, по сути, развлечение. И книги, но это уже моя заслуга – библиотеки там не было, я с собой из города кучу книг понабрала. Родители остались довольны – уже тем, что им удалось отдохнуть от работы. Им многого не надо. Может, это и верный подход?

Маша мерно закивала, по-прежнему не произнося ни слова, и мне стало неудобно за свои до жути законченные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, да и вообще за то, что я так болтлива. А заодно и за то, что не насладилась каникулами вдоволь.

С ощущением, что кругом неправда, я возобновила работу над сочинением. До звонка оставалась всего минута, поэтому класс стал заполняться людьми, а те две девчонки слезли с парты и продолжили свое обсуждение уже сидя на стульях. Я украдкой бросила на них взгляд. «Интересно, у них сейчас есть парни? Они выглядят такими... взрослыми... наверное, да... любопытно, каково это – с кем-то встречаться? Наверное, тогда и мыслить, и поступать начинаешь по-другому, мир окрашивается иными красками... хотела бы я это ощутить».

– Может, в раздевалку?.. А то еще мячом... У меня уже так было.

– Да хватит тебе, давай посмотрим на игру.

– Смысл?

– Мне нравится.

На уроке физкультуры наш класс играл с общеобразовательным – участвовали только сильные в футболе ученики, в основном парни, поэтому мы с Машей, профаны, могли спокойно отдохнуть на скамейке. Возможность легально не заниматься несказанно радовала меня – я с первых классов ненавидела физкультуру.

Большинство девчонок из нашего класса остались в раздевалке, а кто-то и вовсе умудрился сбежать домой, хотя впереди был еще один урок. Я настояла на том, чтобы «болеть за наших» в спортзале, и Маша нехотя повиновалась. Я убеждала себя и ее, что мне очень важна победа нашей команды, но подсознание мое прекрасно знала, что я попросту нашла повод полюбоваться Колей Гусевым.

За лето он возмужал и стал больше, чем раньше, похож на романтического героя: уверенная походка, стройная фигура, красиво выгоревшие на солнце волосы. Еще сохранившийся после лета загар очень ему шел – мне даже казалось, что он похож на суперзвезду.

Вероятно, на уроке математики он все так же жался и мялся у доски и выглядел глупо – это вряд ли добавляло ему при-

влекательности. Но спорт всегда был его стихией, и здесь-то он мог показать себя во всей красе. Я невольно восхищалась тем, как хорошо он играет: как быстро бегают, как ловко отбивает мяч, как яростно бросается в атаку – и поделом нашему гуманитарному! – и как увлечен происходящим. Глаза горят, взгляд напряженно-восторженный (вовсе не глупый!), лицо раскраснелось...

Хотя возможно, я была необъективна, потому что Маша с отвращением пробормотала:

– Свиньи.

– Ты о том, что «простой» класс обыгрывает наш? – переспросила я.

– Да плевать. Я говорю – парни. Бегают, орут...

– Они поглощены игрой, – возразила я.

– Нашли чем. Я вообще таких – не-е-е, бр-р.

– Не любишь тех, кто спортом увлекается?

– Ага.

– Ну, не все они тупицы...

– Да все.

– Ладно, – не зная, что возразить, довольно резко сказала я, и тут раздался громкий свисток и физкультурник крикнул:

– Все, звонок!

– Нет, ну подождите! – завопили мальчики из нашего класса (у всех – одинаково бешеные глаза, всклокоченные волосы, прилипшие к телу майки – да, зрелище то еще... может, Маша и права).

– Два-один в пользу восьмого «Б», – заключил учитель, и восьмой «Б» – общеобразовательный класс – запрыгал от радости.

– Йе-е-ес! – крикнул Гусев, вскинув руки вверх, и под мышками у него обнажились огромные пятна пота.

Вопреки логике, вместо отвращения это вызвало у меня восхищение: надо же, какой молодец, так старался ради своей команды!

Кивнув на дверь раздевалки, Маша вскочила со скамейки и направилась туда нехарактерным для себя быстрым шагом – сильно, видимо, не терпелось уйти, – и я, с сожалением бросив еще один взгляд на Колю, последовала за ней.

«Когда теперь я с ним столкнусь? – угрюмо подумала я. – Может, почитать его расписание? Ага, и что – караулить его у кабинетов, как влюбленная дура? Нет, до такого я не дойду! Да и не влюблена я вовсе... так, нравится немножко...»

Я не хотела признаваться себе в том, что с начала нового учебного года мое прежнее чувство приобрело новые краски. Коля был небезразличен мне с шестого класса, но это было довольно спокойное увлечение – я вспыхивала, только когда думала о том, что ему могут нравиться другие. В остальном... ну да, мне было приятно на него смотреть и иногда мечтать о чем-то связанном с ним – довольно, впрочем, туманном.

Теперь же все изменилось: я скучала по нему, все время надеялась встретить его в коридоре и опускала глаза, пой-

мав его взгляд. Я коллекционировала все эти взгляды, все его слова, обращенные ко мне, – в основном это были «привет» и «здравствуй» – ну и что с того?

И как-то постепенно мои неясные мечты стали принимать более четкие очертания: в них Коля держал меня за руку, обнимал, целовал... да-да, я хотела всего этого, несмотря на то что ненавидела прикосновения. Это было совсем другое. Именно его я бы подпустила. И мне было бы не только не противно, но и приятно.

В раздевалке одна из девчонок попросила нас с Машей помочь ей найти упавшую серьгу. Сережка была крохотной, поэтому поиски затянулись, в процессе них выяснилось, что Маша проголодалась (а может, ей просто лень было ползать по полу?), так что мы отпустили ее в буфет. Я благородно осталась и нашла-таки серьгу. После этого впервые за долгое время я шла по коридору одна... и именно в этот момент мне улыбнулась удача.

Вернее, началось все не слишком удачно: я проходила мимо мужской раздевалки, и меня с размаху ударило открывшейся дверью. Схватившись за ушибленное плечо, я отскочила подальше и с негодованием воззрилась на «обидчика», но растерянно улыбнулась, встретив испуганный взгляд Коли.

– Оля! Извини, пожалуйста! – проговорил он взволнован-

но. – Сильно я тебя?..

– Пустяки... – пробормотала я, стараясь скрыть смущение.

– Слава богу! Прости еще раз. Понятия не имел, что ты здесь.

Ясное дело, что он понятия не имел, иначе, вероятно, не ударил бы меня дверью. Этого как раз можно было не говорить... а значит, он это сказал, только чтобы продлить разговор на несколько секунд! И искренняя тревога в глазах...

Я отогнала непрощеную мысль о том, что так реагировал бы любой нормальный человек. Нет! Я ему небезразлична! Боже мой...

– Все в порядке. – Осмелев, я вдруг добавила:

– Кстати, ты... твоя команда здорово играла. Поздравляю.

– Спасибо! – расцвел он. – Мы очень старались! Надеюсь, ты не в обиде, что мы обыграли ваших.

Ему важно, не в обиде ли я? Мне точно будет о чем подумать перед сном...

– Ну что ты. Вы определенно играли лучше. А я – за справедливость, – независимо отозвалась я.

В тот момент я чувствовала себя голливудской звездой с восхитительной непринужденной улыбкой и красиво развевающимися по ветру (?) волосами – хороша, уверена в собственной привлекательности и поэтому свободно и легко общаюсь с мужчиной своей мечты.

– За справедливость? – переспросил Коля. – Вот молодец.

Уважаю.

В этот момент из раздевалки вышел парень из его класса, что-то ему сказал, и Коля немедленно отвлекся, забыв про меня. Поскольку логически наша беседа вроде бы завершилась, ожидать, пока он вновь обратит на меня внимание, было странно и неловко, поэтому, пусть и медленным шагом, я направилась к лестнице.

Это был самый приятный спуск в буфет за всю мою школьную жизнь. Я буквально порхала, я улыбалась, я даже не замечала здоровавшихся со мной знакомых.

ОН разговаривал со мной! Мы столько всего сказали друг другу... Хорошо, пусть не очень много, но главное же не сами слова, а тон, которым они были сказаны, выражение лица, взгляд... и как не умирают от счастья девушки, у которых есть личная жизнь? Их бойфренды разговаривают с ними постоянно. И смотрят на них, и улыбаются им, и даже целуют! Интересно, скоро Коля поцелует меня? Не удивлюсь, если мы вот-вот начнем встречаться! – думала я, перепрыгивая через ступеньки.

Маша ждала меня в углу буфета с тарелкой супа.

– Приятного аппетита! – отсалютовала я, присаживаясь рядом.

– Угу, – отозвалась она.

– Серьгу нашли.

– М-м.

– Народу что-то много здесь.

– Ага.

– Готовилась к семинару по истории?

– Так химия...

– Сейчас – да. Но семинар уже завтра, а объем большой!
Успеешь?

– Да.

– А химию сегодня читала?

– Так...

– Я тоже только пролистала. Надеюсь, не спросят...

– Угу.

Мне нужно было куда-то расходовать неумную энергию,

появившуюся после разговора с Колей (разговора с Колей!!), поэтому я продолжала мучить Машу бесполезными и совершенно не вызывающими в ней энтузиазма вопросами, пока не прозвенел звонок.

– Все, пора. – Я немедленно вскочила и порхнула к двери. – Как же хорошо!

Какое у меня чудесное настроение! Сейчас последний урок – и на улицу, а там такая погода шикарная, листья золотые лежат...

– Угу, – незатейливо отреагировала Маша, семена за мной, и мне стало даже жаль ее – бедная, замкнута в своем мирке и думает, наверное, о каких-нибудь будничных вещах, а я – влюблена и счастлива!

«Влюблена и счастлива», – несколько раз повторила я про себя, уже не стесняясь собственных чувств, и это было так ново и так как-то легко, что на душе стало еще светлее.

Маленькая спонтанная самостоятельная по химии ничего не испортила: нам с Машей удалось списать, а сопряженные с этим препятствия веселили меня как никогда. Изворачиваясь, чтобы как бы невзначай заглянуть в очередной раз в сумку, где лежал учебник с заложенным между нужными страницами карандашом, я смеялась так, что строчки по все-

му листу ползли то вверх, то вниз, но за урок мне не сделали ни одного замечания. Повезло, в общем. Снова.

Вечер, как я и предсказывала, был замечательным: ни дождя, ни ветра, ни холода – комфортная, уютная осенняя погода, которой только придавали романтический оттенок собравшиеся тут и там серые тучи. Я улыбнулась и приготовилась к полной приятных мыслей прогулке – на маршрутке в такой вечер ехать не хотелось.

– Ладно, пойду я, – сказала я Маше, собиравшейся идти домой – в другую сторону.

– Ага. – Она повернула голову и, глядя вправо, произнесла:

– О, я и не знала.

– О чем? – заинтересовалась я и, посмотрев в ту же сторону, оторопела.

Неподалеку от крыльца стояли Лина и Коля – классические влюбленные: рука в руке, глаза в глаза, ее сумка (я помнила ее еще с прошлого года) – на его плече...

– Я так поняла, ты опять не с нами? – весело крикнула

Лине нарисовавшаяся на ступеньках Настя.

– Да, идите без меня, – едва повернувшись, отозвалась та.

– Ладно, голубки. – Настя проскочила мимо, не заметив меня, и присоединилась к хохочущей стайке подружек.

В этот момент Коля погладил Лину по щеке и что было совсем невыносимо, потянулся к ее губам. Я силилась отвернуться, но почему-то не могла отвести полный неожиданного, острого отчаяния взгляд от этой парочки. А они, насладившись довольно долгим поцелуем, повернулись ко мне спиной и, увлеченные болтовней, стали удаляться в светлое будущее.

– Я тоже не знала, – прошептала я.

– Дочка! До-очка! На тебе лица нет! Что случилось? – Мама бросилась за мной в ванную.

Я включила воду и, наклонившись к раковине, принялась протирать покрасневшие от слез глаза.

– Кто тебя обидел? – вопрошала она, встав надо мной.

– Никто. Все хорошо, – выдавила из себя я.

– Это называется «хорошо»? Ты плакала?

– Чуть-чуть.

– Правда? А выглядишь так, будто прорыдала по меньшей мере всю дорогу из школы.

– Да все очень плохо, мам! – вырвалось у меня. – Лучше бы у меня никогда не было подруги! Ведь не было же раньше, и все замечательно было, я отлично чувствовала себя одна, а теперь вот мучаюсь! Будь это кто-то другой, а не Лина, я бы пережила, но она!.. – Вряд ли мама поняла значение последней фразы (тем более что я назвала Анфису Линой), но эта фраза почти полностью потонула в рыданиях, так что, возможно, она вовсе ее не разобрала.

– Дочка, – повторила мама ласково, – умойся, вот полотенце, и сядь – поговорим.

Я брызнула себе в лицо холодной водой, размазала по щекам слезы протянутым ей полотенцем и присела прямо на край ванны. И мы разговаривали, пока не постучался папа с телефоном в руке:

– Не знаю, чем вы тут заняты, но вынужден вас прервать:

Роза звонит, а сейчас очередь кого-то из вас, я в прошлый раз с ней говорил. Эх, а так хорошо задремал...

Мама заставила меня задуматься над тем, что до этого ускользало от моего внимания.

Да, до Лины я толком ни с кем не дружила, и, честно говоря, мне это было не нужно. Конечно, я общалась с некоторыми девчонками, но по большому счету мне было комфортно и одной. Я умела находить особую прелесть в том, чтобы летним вечером пройтись вокруг дома и насладиться щебетом возвращающихся в свои гнезда птиц, посидеть с книгой в скверике неподалеку от дома или просто подумать о разном. Для этого мне не были нужны другие – они бы даже испортили хрупкость таких моментов.

А люди, особенно совсем молодые, интуитивно не лезут к тем, кто в них не нуждается – боятся отказа. Потому ко мне никто в друзья и не набивался. Но потом пришла Лина и – неважно уж, по какой причине – просто выбрала меня, не спросив, нужно ли мне это. Влезла в мою жизнь, и мне ничего не оставалось, кроме как перенести на отношение к ней все свои идеалы, касавшиеся дружбы – во многом призрачные, во многом почти рыцарские. А потом оказалось, что все

было зря... но! Я не могла обвинить себя в том, что сделала неверный выбор, потому что я не делала его вовсе. Теперь я должна сама *выбрать* себе человека, который, по моему мнению, достоин моей дружбы.

Стараясь отвлечься от мыслей о Коле (о нем-то я маме так и не рассказала!), я сосредоточилась на проблеме Лины и, вдохновленная разговором с мамой, сделала очередную попытку начать роман. На этот раз вышло еще более пространно, чем раньше, зато как солидно и глубокомысленно!

«Когда тебе тринадцать, внезапный разрыв с подругой – трагедия вселенского масштаба». В этом месте я погрызла ручку, задумавшись, не заменить ли «тринадцать» на «двенадцать»: тринадцать мне стукнуло только в августе, а с Линой мы рассорились еще весной. В конце концов решила оставить все как есть: не хотелось ни портить лист зачеркиваниями, ни вырывать его из без того уже похудевшей тетради для романа.

«В пятьдесят лет этот разрыв тоже вряд ли проходит незамеченным, но к этому времени человек уже обрывает проблемами, детьми, социальными связями – в этом круговороте потеря одного из друзей может быть болезненна, но фактически она ничего не изменит. В тринадцать же ты максималист, и друг у тебя, скорее всего, один и, как правило,

школьный – следовательно, ты видишь его каждый день и он огромная часть твоей жизни. Любовных отношений в этом возрасте у тебя, скорее всего, нет, поэтому друг заменяет тебе все и всех. У девочки дружба в тринадцать – почти любовь: с душераздирающими скандалами, смертельными обидами и даже сценами ревности. Таким образом, теряя подругу, девочка-подросток лишается сразу всего...».

Здесь я снова остановилась: «девочка-подросток» – слишком казенно, напоминает лексику детских энциклопедий. Да и тавтология: слово «девочка» уже было в предыдущем предложении. Вычеркнула. Подумав, вырвала лист вовсе.

Вот мне делать нечего – писать о какой-то Лине целый роман! Она совершенно того не стоит. Я найду себе настоящую Лучшую Подругу и ей уж, так и быть, возможно, что-нибудь да посвящу. А пока – буду-ка я писать о любви! Счастливой, несчастной – все равно...

Часть 3

«Если друг причинит тебе зло, скажи так:
«Я прощаю тебе то, что сделал ты мне,
Но как простить то зло, которое этим
Поступком ты причинил себе?»»

(Ф. Ницше)

«Хватит, хватит уже биологии». Я захлопнула учебник и посмотрела на часы. Шесть вечера – самое время немного прогуляться... по пустому городу. В этом что-то есть.

Пустым город казался из-за майских праздников: погода установилась на редкость жаркая, и все, кому было куда уехать, сделали это без колебаний. Но мы с родителями не собрались по ряду мелких причин – скорее даже поводов: мама предпочла вымыть окна и перестирать скопившееся грязное белье, папу пригласил на праздник коллега, а я... мне вроде как надо было учить биологию, по которой я умудрилась схватить пару трояков. Из нас троих мне легче всего было перенести свое неотложное дело за город и читать себе учебник в шезлонге под пение птиц, но не могла же я поехать на дачу одна. В итоге мы все остались.

Подозреваю, истинная причина решения родителей заключалась в том, что это был бы наш первый выезд – значит, пришлось бы приводить дом в порядок после зимы, а это обычно надолго. Лучше уж мирно намыливать стекла окон у себя дома, чем ехать за тридевять земель и делать то же самое в затхлой пыльной комнате, где полгода никто не проветривал (так рассудила я, которая на тот момент ни разу в жизни не мыла окна). Хорошо еще, что мы почти ничего не сажали на огороде – не так часто и не так долго жили на даче, чтобы ухаживать за посадками, – а то бы работы оказалось

раз в десять больше.

Конечно, приготовлений к новому сезону было все равно не избежать, но родители упорно оттягивали их каждый год.

(Как же долго я кручусь вокруг момента, что на праздники мы остались в городе! Наверное, вычеркну половину при редакции.)

– Мам, я погуляю, – выйдя из комнаты, произнесла я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.